
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 94—107.

Woman in Russian Society. 2026. No. 3. P. 94—107.

Научная статья

УДК 327.82(470)"18" : 94(470)"181/183"

EDN: <https://elibrary.ru/etltoo>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.3.7

САЛОННАЯ И ЖЕНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: РОЛЬ Д. Х. ЛИВЕН В ДОСТИЖЕНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ирина Ивановна Стамова,

Варта́н Арсено́вич Эйрия́н

Московский государственный институт международных отношений (университет),
Министерство иностранных дел Российской Федерации (МГИМО), г. Москва, Россия,
stamirina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена салонной и женской дипломатии как проявления «мягкой силы» на примере деятельности Д. Х. Ливен. Международно-политические реалии 1810—1830-х гг. исследуются на основе переписки Д. Х. Ливен с ее братом А. Х. Бенкендорфом и другими государственными деятелями Российской империи. Рассматривается вклад княгини в формирование российского внешнеполитического курса в первой половине XIX в. Делается вывод, что направляемая Д. Х. Ливен из Лондона информация являлась уникальным источником, благодаря которому МИД Российской империи имел детальное представление о позиции Великобритании по всем пунктам международной повестки. Подчеркивается, что женщины, не имея возможности стать кадровыми дипломатами, играли весомую роль в осуществлении дипломатической деятельности и оказывали значительное влияние на развитие международно-политических процессов.

Ключевые слова: женская дипломатия, салонная дипломатия, мягкая сила, Венская система, Д. Х. Ливен

Для цитирования: Стамова И. И., Эйриян В. А. Салонная и женская дипломатия в первой половине XIX века: роль Д. Х. Ливен в достижении внешнеполитических задач российского правительства // Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 94—107.

Original article

SALON AND FEMALE DIPLOMACY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: THE ROLE OF D. LIEVEN IN ACHIEVEMENT OF THE FOREIGN POLICY GOALS OF THE RUSSIAN GOVERNMENT

Irina I. Stamova, Vartan A. Eiriyani

Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow,
Russian Federation, stamirina@mail.ru

Abstract. The article explores the phenomenon of salon and female diplomacy as the manifestation of soft power providing the example of the activities of Dorothea (Darya) Lieven. The international political realities of the 1810—1830's are analyzed on the basis of correspondence of D. Lieven's with her brother Alexander Benckendorff and other statesmen of the Russian Empire. The article examines the princess's contribution to the formation of Russian foreign policy in the first half of the 19th century and comes to the conclusion that the information sent by D. Lieven from London was a unique source, thanks to which the Foreign Ministry of the Russian Empire had a detailed understanding of the Britain's position on all items on the international agenda. The article emphasizes that women, not having the opportunity to become career diplomats, played a significant role in diplomatic activities and had a considerable impact on the development of international political processes. The state, in its turn, using women's and salon diplomacy as a form of soft power, constructed the necessary socio-cultural image by attracting the attention of the foreign public.

Keywords: female diplomacy, salon diplomacy, soft power, Vienna system, D. Lieven

For citation: Stamova, I. I., Eiriyani, V. A. (2026) *Salonnaia i zhenskaia diplomatiia v pervoi polovine XIX veka: rol' D. Kh. Liven v dostizhenii vneshnepoliticheskikh zadach rossiiskogo pravitel'stva* [Salon and Female Diplomacy in the First Half of the 19th Century: the role of D. Lieven in achievement of the foreign policy goals of the Russian government], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 94—107.

Введение

В XVIII—XIX вв. одним из важнейших инструментов [Дипломатия новых сфер..., 2024: 32—33] публичной и культурной дипломатии становятся светские салоны, завсегдатаями которых являлись представители европейского бомонда, желавшие быть в курсе всех модных веяний. Именно в это время своего пика достигает «салонная дипломатия». В отечественных реалиях салонная традиция, во многом ассоциирующаяся с женской дипломатией, по нашему мнению, ярче всего раскрылась в политической практике Дарьи Христофоровны Ливен, специфике деятельности которой посвящена представленная статья. Характеризация данного феномена представляется тем значимее, что позволяет пересмотреть устоявшийся концепт дипломатической деятельности как исключительно мужского занятия применительно не только к конкретно-историческим условиям, но и с точки зрения теории дипломатии вообще. Обращение к отечественному опыту видится особо показательным на фоне того, что в Соединенных Штатах, как отмечают современные специалисты, первая женщина-дипломат смогла достичь карьерных высот лишь в первой половине XX в. (см., напр.: [Мицюк, Шульга, 2022]), в то время как в российских реалиях раскрытие потенциала женской дипломатии в рамках салонной началось, по меньшей мере, на век раньше.

Интерес к рассмотрению сюжетов, связанных с «салонной дипломатией», обусловлен несколькими факторами. Во-первых, стоит признать, что в теории и истории международных отношений гендерные концепции позволяют иначе взглянуть на феномены, обсуждаемые в рамках истории дипломатии. Так, сквозь призму подхода Дж. Энн Тикнер об ошибочности сужения категории безопасности, принципиальной для Венской системы международных отношений, деятельность салонов и представительниц женского пола, вокруг которых эти салоны формировались, может быть рассмотрена в качестве дополнительного инструмента обеспечения государственных интересов [Лошкарев, 2021: 246—247].

Во-вторых, развивая эту мысль, обозначим, что среди классических трудов, посвященных истории внешней политики и дипломатии в первой половине XIX в., проблематика вклада салонов и отдельных представительниц высшего света в реализацию внешнеполитических стратегий зачастую оттенялась более институционализированными феноменами: фокус был направлен на изучение событийной и процессуальной сторон международных реалий, но не на персональный вклад лиц, в т. ч. и женщин, за исключением ответственных за принятие ключевых внешнеполитических решений. Так, в работах Е. В. Тарле [Тарле, 1927], Н. С. Киняпиной [Киняпина, 1963], В. В. Дегоева [Дегоев, 2004], О. Р. Айрапетова [Айрапетов, 2006] и В. М. Безотосного [Безотосный, 2012] акцент сделан на взаимодействии государственных акторов, деятельности внешнеполитических ведомств и дипломатических представительств, природе и сущности Венской системы. За последнее десятилетие в трудах специалистов стал все чаще превалировать системный подход к изучению Венской эпохи, следствием чего явилось определение места целого ряда феноменов в общей картине истории дипломатии первой половины XIX в. (к примеру, см.: [Василенко, 2019; Колосова, 2024; Кудрявцева, 2014; Романова, 2016]). Однако проблематика вклада женщин и формировавшихся вокруг их персон салонов в реализацию внешнеполитических стратегий все еще требует досконального изучения.

На наш взгляд, сегодня продолжает сохраняться потребность в системном рассмотрении истории дипломатии первой половины XIX столетия, в связи с чем полезным представляется расширение представлений о месте «салонной дипломатии» во внешнеполитическом инструментарии европейских держав. Оговоримся, что сама по себе салонная тематика не нова, ей посвящены, в частности, работы С. Г. Айвазовой [Айвазова, 1991], М. И. Аронсона и С. А. Рейсера [Аронсон, Рейсер, 2001], С. В. Гапич [Гапич, 2000], Т. Е. Смольяниновой [Смольянинова, 1994], П. П. Щербинина [Щербинин, 2004]. Авторы обращали внимание на деятельность литературных салонов и их влияние на становление женского движения, процесс эмансипации, эволюцию повседневности русской женщины. Тем не менее сопряжения предметных полей женской истории и истории дипломатии практически не наблюдалось, вследствие чего в обеих дисциплинах сохранялись и продолжают сохраняться лакуны, требующие применения междисциплинарного подхода. Упомянутая конвергенция двух направлений исследований актуальна и с практической точки зрения: обращение к тематике с позиций ретроспективного анализа могло бы способствовать расширению внешнеполитического инструментария государств, обновление которого происходит на фоне повышения значимости женского фактора в международных отношениях.

Одним из самых показательных примеров, посредством которых может быть осуществлено погружение в тематику «салонной дипломатии», является, как было замечено, политическая биография Д. Х. Ливен. Несмотря на то, что к отдельным ее

эпизодам обращались как отечественные, так и зарубежные авторы (к примеру, см.: [Шаховская-Глебова-Стрешнева, 1904; Temperley, 1925]), в российской традиции основной вклад в изучение феномена Д. Х. Ливен внесла Н. П. Танышина (см., напр.: [Танышина, 2007а, 2007б, 2009, 2018, 2021]). В ее трудах была досконально рассмотрена деятельность представительницы высшего света, однако упор во многом был сделан на освещение событийной стороны вопроса, в то время как с точки зрения концептуализации имеющихся у нас данных в контексте теории дипломатии и женской дипломатии, в частности, проблематика все еще представляет интерес.

Парадигмально данная работа апеллирует к постулатам как реализма, так и идеализма. С одной стороны, в условиях Венской системы международных отношений ключевой категорией выступала безопасность, на обеспечение которой во многом были направлены усилия европейских столиц в первой половине XIX в. С другой — концепт «салонной дипломатии», строящейся на неформальности и отсутствии прямой аффилиации задействованных институтов с государственными структурами, ближе парадигме идеализма. Включение негосударственных акторов в число ответственных за реализацию внешнеполитического курса де-факто не является критерием, определяющим парадигмальные установки, однако в данном случае уместно, на наш взгляд, говорить о релевантности обращения к обеим основополагающим теориям международных отношений наравне с гендерным подходом к проблематике.

Источниковой базой исследования послужили статьи, размещенные в четырех выпусках 1903 г. издания «Русская старина» и представляющие сведения о жизни и деятельности Д. Х. Ливен. Ранее представители исторической науки уже обращались к данным материалам, однако преимущественно с позитивистских и неопозитивистских позиций. С учетом отсутствия у авторов работы цели уточнить детали деятельности Д. Х. Ливен и провести нюансировку событийных аспектов апеллирование к уже поднимавшемуся в исследовательской среде источнику видится допустимым. Научная проблема, таким образом, состоит в определении места феномена Д. Х. Ливен как частного проявления «салонной дипломатии» во внешнеполитическом инструментарии России в первой половине XIX в. В качестве базовой гипотезы выдвинуто предположение, что среди методов достижения внешнеполитических целей за женской дипломатией в рамках салонной могла быть закреплена роль неформальной практики, отвечающей за выполнение прежде всего задач деликатного характера. Кроме того, данные формы дипломатии в силу своей специфики должны были быть направлены в первую очередь на расширение круга информаторов российских дипломатических агентов и конструирование позитивного образа Петербурга. Раскрывается поставленная научная проблема при помощи метода структурно-функционального анализа, использование которого позволяет рассмотреть историю дипломатии и международные процессы первой половины XIX в. с системных позиций.

Салонная и женская дипломатия как проявление «мягкой силы»

Расцвет женской дипломатии в конце XVIII — первой половине XIX в. был обусловлен целым рядом факторов, не последним из которых следовало бы считать общее повышение значимости женщины в культурном пространстве [Воронина, 2022: 104]. Социальная роль хранительницы домашнего очага постепенно эволюционировала в образ главы салона, в зависимости от направленности которого его посетители погружались в обсуждение либо литературных новинок, либо наиболее актуальных

внутри- и внешнеполитических новостей. Салон выполнял множество функций — от вторичной социализации до фрагментации общественно-политического поля, однако с точки зрения дипломатии гораздо принципиальнее то, что лица, чьи салоны обладали большой популярностью, на постоянной основе вели диалоги со множеством высокопоставленных государственных деятелей, от которых можно было получить информацию самого разного характера. Неудивительно, что со временем специалисты стали говорить о «салонной дипломатии» [Григорьев, 2010: 436], чьей отличительной чертой являлся кулуарный характер, позволявший вести переговоры в неформальной обстановке.

«Салонная дипломатия», с которой будет напрямую связана дипломатия женская, на ассоциативном уровне апеллирует в первую очередь к Венской системе международных отношений: «тетрархи-победители», определившие облик Европы на «танцующем конгрессе» [Дегоев, 2002: 119], нуждались в самых разных инструментах воздействия друг на друга, чтобы не допустить повторения международного сценария рубежа XVIII—XIX вв. Эпоха наполеоновских войн уходила в прошлое; ей на смену должен был прийти период дипломатии, способной обеспечить реализацию принципа баланса сил, вследствие чего интерес всех членов т. н. «концерта держав» к средствам и методам опосредованного влияния лишь возрастал.

На фоне того, что общественно-политический образ державы определялся не только проводимым ею курсом, но и ее культурным богатством, обсуждение в салонах литературных новинок и социальных реалий порой способствовало укреплению имиджа государства не меньше классической дипломатической работы. «Салонную дипломатию» можно воспринимать в качестве инструмента «мягкой силы» XIX в., что во многом следует из конструирования ею общественно-культурного продукта, в силу привлекательности которого объект сам становился заинтересован в его изучении, а не сталкивался с навязыванием конструкта, что выгодно отличало салонную традицию от пропаганды [Лебедева, 2017: 215]. Более того, даже классические примеры, известные как из художественной литературы (салон А. П. Шерер), так и из истории (кружок-салон М. В. Буташевича-Петрашевского, в котором с большим интересом обращались к модному тогда фурыеризму), указывают на то, что салоны воспринимались в качестве специфического ресурса, обеспечивающего его обладателю притягательность [Паршин, 2014: 16], а также уникального микромира, нормы поведения в котором определялись субъектом-основателем этого пространства.

Одну из ключевых ролей в «салонной дипломатии» играли популярные в обществе женщины (см., напр.: [Пивоварова, 2015]), вокруг которых формировались малые социальные группы и за внимание которых боролись высокопоставленные деятели. Отдельно отметим, что необходимо дифференцировать феномены женской дипломатии в рамках салонной и фаворитизма: последний зачастую указывает на слабость государственных институтов и зависимость номинально ответственного за принятие решений лица от чужой воли, в то время как женская дипломатия, субъектами которой могут использоваться те же инструменты, что и фаворитами-царедворцами, напрямую не связана с состоянием институциональной подсистемы и не является индикатором стабильности государственного образования. Возможно, именно по этой причине женская дипломатия более релевантна для мирного трека и внешнеполитического измерения: женщина как политик и переговорщик чаще ассоциируется с «голубем», нежели с «ястребом», в силу чего

сопоставимость женского образа с агрессивным политическим курсом гораздо ниже, чем с миролюбивым либо поступательным (см., напр.: [Тодуа, 2022]).

Пускай женская дипломатия и не была изобретением Венской системы (см., напр.: [Быстрова, 2022]), однако именно в первой половине XIX в. от нее могло зависеть немалое количество серьезных политических решений. К примеру, начало XIX столетия отмечено влиянием на европейскую политику семейства Саган: Вильгельмина Саган славилась своей связью с австрийским канцлером К. Меттернихом, в то время как ее сестра Доротея Саган, судя по всему, на протяжении долгого времени являлась значимым информатором великого французского дипломата Ш. М. Талейрана [Таньшина, 2015]. Не меньшей известностью пользовались и отечественные представительницы высшего света: к фигуре М. Д. Нессельроде, составившей партию главе российского внешнеполитического ведомства, на сегодняшний день обращаются как пушкиноведы, так и специалисты по второй четверти XIX в. [Таньшина, 2022], а княгиня Е. П. Багратион (Скавронская), выданная за знаменитого военачальника, держала на протяжении жизни несколько статусных салонов, стремилась оказывать влияние на К. Меттерниха, возможно, добиваясь внимания и со стороны Александра I.

Неформальное участие представительниц женского пола в политике не было новинкой: незадолго до рассматриваемого нами периода получила известность С. К. Потоцкая (София де Челиче), после наполеоновских войн приобрела популярность К. Собаньская, а в контексте истории дипломатии 1812 г. нередко вспоминают о полулегендарной Эмили Леймон. Тем не менее на фоне этих женщин, отличившихся в политической сфере, но не претендовавших на системный характер деятельности, сильно выделяется княгиня Дарья (Доротея) Ливен, благодаря которой категория женской дипломатии сегодня может быть выделена нами в качестве самостоятельной. И ранее женская дипломатическая деятельность, осуществляемая в рамках салонной, позволяла воздействовать на формирование общественного мнения (см., напр.: [Носко, 2023]), но лишь в XIX в. салоны стали позиционироваться в качестве формы властно-общественного взаимодействия [Завьялова, 2018], вследствие чего их влияние, в т. ч. и на международную политику, серьезно возросло.

Дарья Ливен: портрет на фоне эпохи

Биография Д. Х. Ливен, 240-летие со дня рождения которой отмечалось в 2025 г., по-своему уникальна. Будучи чистокровной немкой-лютеранкой (Katharina Alexandra Dorothea von Benckendorff), она являлась родной сестрой небезызвестного А. Х. Бенкендорфа, одного из лидеров охранительно-консервативного лагеря во второй четверти XIX в. и первого главы III отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии (С.Е.И.В.К.). Долгое время выступавшая в первую очередь в качестве супруги Х. А. Ливена, посла Российской империи в Пруссии, а затем и в Британской империи, она и сама обладала незаурядной харизмой, которая позволила ей выделиться из числа других обаятельных женщин эпохи.

Заслужившая прозвище «русская Сивилла» Д. Х. Ливен не раз предсказывала ход исторических событий или даже оказывала на него влияние. Достигалось это за счет того, что ее внимания жаждали король Англии Георг IV и уже упоминавшийся гранд австрийской политики К. Меттерних. Она находилась в дружеских

отношениях и постоянной переписке с ведущими английскими политиками, в число которых входили Ч. Грей и Дж. Г. Абердин, возглавлявшие британское правительство с разницей в два десятилетия. Заключительный период ее жизни был отмечен теплыми отношениями с министром иностранных дел Франции Ф. Гизо. Д. Х. Ливен стала прообразом героинь нескольких произведений О. де Бальзака: вероятно, на страницах его «Тайн княгини де Кадиньян» была изображена история именно ее жизни. Разнообразные титулы и прозвища, которых удостоилась Д. Х. Ливен от современников, вкупе с ее активной светской деятельностью позволяют назвать ее первой русской женщиной-дипломатом.

Если обратиться к этапу становления интереса Д. Х. Ливен к международной политике, можно заметить, что ее муж, «точный и исполнительный по службе, был по отзыву всех современников человек скучный, неинтересный, вполне ничтожный, он стоял во всех отношениях несравненно ниже своей жены и без сомнения обязан ей всей своей дипломатической карьерой» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903а: 188], а потому навыки, позволившие его жене преуспеть на дипломатическом поприще, вероятно, были развиты ей самостоятельно. Будучи вместе со своим супругом в Лондоне, она образовала салон, который вскоре стал «центром политической деятельности и интриги» [Там же: 190]. Добываемые благодаря ее такту и обаянию данные направлялись Марии Федоровне, императрице-матери, которой Д. Х. Ливен писала письма каждую неделю, а также К. В. Нессельроде, занимавшему пост министра иностранных дел Российской империи на протяжении большей части первой половины XIX в. В то время как европейские монархи, справившись с наполеоновской Францией и перейдя к конструированию нового международно-политического пространства на континенте, порой игнорировали положения подписанных ими же в рамках Священного Союза документов [Кудрявцева, 2014: 91], представительница России в Британской империи помнила о российских национальных интересах, вследствие чего сам К. В. Нессельроде после Веронского конгресса Священного Союза «следил по ее письмам за настроением общественного мнения в Англии и взглядами ее политических деятелей» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903а: 191]. Получаемая от княгини информация ложилась в основу разрабатываемого отечественным внешнеполитическим ведомством курса в непростых условиях балансирования между конъюнктурными альянсами и долгосрочными планами европейского концерта держав. Таким образом, кристаллизовалась одна из главных функций женской дипломатии — выяснение условий и событий в государстве пребывания, а также сообщение о них в центр.

Показательно, что очарование К. Меттерниха, внимания которого добивались уже упоминавшиеся нами ранее представительницы женской дипломатии первой половины XIX в., пленило и Д. Х. Ливен: лишь избавившись от романтических мечт, княгиня стала «беспощадна в своих отзывах о нем» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903b: 419], хотя еще недавно жаловалась на то, что порой в ее персоне видят симпатизанта Вены, настолько часто она видится с австрийским политиком [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903а: 196]. Радикализация позиции Д. Х. Ливен была мотивирована отнюдь не только личными симпатиями: в 1820-е гг., когда, вероятно, важнейшим международно-политическим вопросом являлся греческий, николаевская Россия взяла курс на поддержку балканского народа, в то время как К. Меттерних, стремившийся направить принципы Священного Союза в выгодное для Австрии русло, стал одним из главных противников России в закулисной игре, которую разыгрывали между собой европейские столицы. В этих условиях внешняя политика Вены

стала максимально инертной в отношении практических действий российского двора [Кудрявцева, 2019: 44—45]: любой шаг России сопровождался попытками К. Меттерниха найти противовес ее влиянию на континенте, в результате чего интерес княгини к архитектору подобного курса угас. Симптоматично, что даже русско-турецкая война 1828—1829 гг. могла быть осложнена дипломатическим демаршем Австрии, склонявшей к коалиции Великобританию, Пруссию и Францию. Информация о сиюминутном союзе была получена МИД Российской империи благодаря докладу Д. Х. Ливен, предупреждавшей о готовности британского гранда А. Веллингтона поддержать линию Вены [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903b: 440—441]. Возможно, комбинация, задуманная К. Меттернихом, не реализовалась в т. ч. по причине того, что вовремя обработавшие необходимые сведения российские дипломаты успели воздействовать на Берлин и Париж, которые по итогу отказали Вене в согласовании общего подхода в отношении Петербурга. Соответственно, княгиня, не претендуя на дипломатический ранг, могла использовать собираемые ей данные для защиты интересов империи за рубежом, что роднит ее деятельность с функциями дипломатического представительства, которые были впоследствии зафиксированы в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. [Венская..., 1961].

Велико значение и личных качеств Д.Х. Ливен: в эпоху, когда от персоны дипломатического представителя полностью зависел спектр связей, посредством которых могли быть реализованы внешнеполитические замыслы государства, она смогла обеспечить целый ряд полезных знакомств на Аахенском конгрессе и после него [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903a: 194], а затем и среди британских правящих кругов. Так, недолгим смягчением курса Лондона в отношении России на рубеже 1820—1830-х гг. Петербург был обязан княгине, доказывавшей лорду Ч. Грею, которого она считала одним из самых опасных представителей британской политической элиты, необходимость учета интересов ее страны [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903b: 429]. Причину подобного успеха емко охарактеризовал Ш. М. Талейран, оставивший следующую характеристику Д. Х. Ливен: «Обладая ненасытной жаждой новостей, она весьма естественно не любила уединения, постоянного искала общества — она принимала у себя каждый вечер» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903a: 189]. Умение княгини заводить знакомства и подбирать значимых для российской внешнеполитической линии собеседников, готовых поделиться имеющимися данными, свидетельствует о причине, по которой в середине 1820-х гг. Певческий мост, как иносказательно в имперские времена обозначали МИД по месту его расположения в Петербурге, расценивал в качестве одного из ключевых дипломатических работников ее мужа, а значит, и ее саму.

Д. Х. Ливен обладала навыком оперативно приспосабливаться к быстро меняющейся международной повестке. Когда в 1820-е гг. актуализировался португальский вопрос, связанный с порядком престолонаследия среди представителей династии Браганса, княгиня стала сообщать в Россию о перспективах противостояния Педру I и Мигела IV: в условиях мигелистских войн она предупреждала о потенциальном столкновении Англии с Испанией, а в перспективе и Францией [Княгиня Д.Х. Ливен..., 1903b: 419—420], подчеркивая, что эта проблематика представляется британцам даже более значимой, нежели греческая. Восклицания княгини о том, что «мысль о Португалии преследует министров даже во сне, ... они боятся относительно ее какой-нибудь коварной проделки Меттерниха», должны были быть особо значимы для К. В. Нессельроде, чей отец в екатерининское время являлся первым послом России в Португалии [Там же: 427]. Непосредственно перед горячей фазой бельгийского

кризиса, привлечшего внимание Европы в начале 1830-х гг., Д. Х. Ливен, продолжавшая собирать данные в Лондоне, информировала Петербург о том, что война практически неизбежна и требуется она лишь для того, чтобы лорд Г. Пальмерстон, «жалкий и ограниченный человек», имел «возможность скрыть сделанные им ошибки» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903с: 699]. Наконец, именно от княгини поступила информация о том, что британцы ревностно следят за событиями русско-персидской войны 1826—1828 гг.: «...вы не можете себе представить, сколько страха она возбуждала здесь. Они (англичане) уже представляли себе, что мы дошли до Индии» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903b: 433].

Обратной стороной такой погруженности в дипломатическую практику, благодаря которой Петербург всегда получал актуальные вести из Лондона, стала невозможность Д. Х. Ливен адаптироваться к жизни за пределами политики. Несмотря на теплые отзывы об императоре Николае I, о котором она писала, что «он выказал себя действительно вторым Петром» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903а: 199], и помощь ему в вопросах приема иностранных визитеров особой важности, к числу которых можно отнести лорда Дургама, зятя Ч. Грея, от воли которого в начале 1830-х гг. во многом зависел политический курс Лондона [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903с: 697—698], со временем отношения княгини с российскими властями начали ухудшаться. Вернувшись в 1830-е гг. в Петербург, Д. Х. Ливен откровенно тяготилась жизнью, в которой не было места женской дипломатии: «Колебания термометра — вот все наши события! Выше он или ниже нуля? Вот ежедневно великий для нас вопрос» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903d: 423]. Пережив утрату двух сыновей и страдая от проблем со здоровьем, она покинула Россию и, столкнувшись с немилостью со стороны Николая I, просила о покровительстве своего старшего брата. Даже оставшись в одиночестве в Париже, где и развернулись ее отношения с Ф. Гизо, она, понимая, что Петербург подозревает ее в содержании политического салона, в котором, по ее же словам, реальной политики уже не было, стремилась сохранить привычный ритм жизни: «...ее салон был открыт ежедневно еще более, чем в Лондоне; у нее бывали французские и иностранные знаменитости, и все они превозносили ум, аристократические манеры и увлекательную беседу хозяйки дома» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903d: 433].

Несмотря на потерю влияния, Д. Х. Ливен, не раз жаловавшаяся на то, что ее могут воспринимать в качестве предательницы национальных интересов, тем не менее всегда доказывала обратное. Еще в 1827 г., получая известия о том, как российская общественность ликует в связи с болезнью Дж. Каннинга, она предупредила А.Х. Бенкендорфа о том, что именно этот британский министр — «противник австрийской политики и враждебен Турции» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903b: 420], вследствие чего его смерть принесет России лишь проблемы. Лорду Ч. Грею, ставшему в начале 1830-х гг. премьер-министром, Д.Х. Ливен прямо высказала все, что она думает на тему британского отношения к польскому восстанию в России и закулисной поддержке выступления со стороны Лондона, после чего премьер был вынужден признать, что ни от какого другого представителя иностранной державы он бы никогда не потерпел подобного [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903с: 691—695]. В конце концов, даже прославленный герцог А. Веллингтон, о котором собеседники Д. Х. Ливен шутили, что Ватерлоо, принесшее полководцу мировую славу, и британский парламент — несопоставимые поля сражений, настороженно относился к княгине за то, что она «предпочла министра, дружески расположенного к грекам, министру, сочувствовавшего туркам» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903b: 427]. В то же время и этот фельдмаршал «считал долгом появляться в ее салоне и даже иногда подолгу беседовал с нею наедине» [Там же: 435]. Действия Д. Х. Ливен отчасти

можно квалифицировать как «ведение переговоров с правительством государства пребывания» [Венская..., 1961], что подтверждает тезис о потенциале женской дипломатии и возможности использования данного инструмента в интересах «аккредитуемого государства».

Заключение

Еще до того, как в России у женщин появилась возможность становиться кадровыми дипломатами, представительницы женского пола выступали на страже национальных интересов, осуществляя дипломатическую деятельность в рамках тех парадигм, что на тот момент считались приемлемыми. В условиях повышенной значимости личностного фактора женская дипломатия, зачастую тесно связанная с салонной, позволяла расширить круг информаторов, сотрудничавших с российскими дипломатическими агентами. Используя женскую и салонную дипломатию в качестве формы «мягкой силы», государство не только конструировало необходимый общественно-культурный образ, привлекая внимание иностранной общественности, но и формировало сеть лиц, посредством диалога с которыми осуществлялась детализация наиболее актуальных международно-политических процессов.

Навыки сбора и актуализации информации Д. Х. Ливен вкупе с ее возможностью влиять на общественно-политические реалии в Европе не только пересекаются с зафиксированными в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. функциями дипломатического представительства, но и служат примером раскрытия потенциала женской дипломатии в рамках салонной в условиях Венской системы международных отношений. С точки зрения системного подхода стоит обозначить, что данная форма дипломатии являлась лишь одним из множества способов реализации внешнеполитических стратегий, дополняя, будучи неформальной практикой, официальные методы ведения межгосударственного диалога. Однако, не стремясь преувеличить значение рассмотренного феномена, признаем, что факт принятия МИД Российской империи решений на основе в т. ч. получаемых от Д. Х. Ливен сведений свидетельствует о разнообразии внешнеполитического инструментария держав в первой половине XIX в. и расширяет представления о методах обеспечения безопасности государствами-членами «европейского концерта».

Список источников

- Айвазова С. Г. Идеиные истоки женского движения в России // *Общественные науки и современность*. 1991. № 4. С. 125—133.
- Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801—1914). М.: Европа, 2006. 672 с. (Империи).
- Аронсон М. И., Рейсер С. А. Литературные кружки и салоны. М.: Аграф, 2001. 398 с. (Литературная мастерская).
- Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика. М.: Вече, 2012. 272 с.
- Быстрова В. С. Женская дипломатия во Франции XVI в.: пример Луизы Савойской // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, философия*. 2022. Т. 28, № 1. С. 24—34.
- Василенко С. А. Внешняя политика Александра I и Николая I: преемственность и различия (1814—1855) // *Общество: философия, история, культура*. 2019. № 11 (67). С. 81—85.
- Венская конвенция о дипломатических сношениях: принята 18 апреля 1961 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 05.11.2025).

- Воронина О. А. Роль женщин в русской культуре: позиции мыслителей XIX в. // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 4. С. 102—118.
- Гапич С. В. Эмансипация в России на примере литературных салонов первой четверти XIX века // *Гендерная история. Pro et contra.: межвузовский сборник научных материалов и программ*. СПб.: Нестор, 2000. С. 117—120.
- Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010. 521 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
- Дегоев В. В. Александр I и проблема европейского согласия после Венского конгресса // *Вопросы истории*. 2002. № 2. С. 119—132.
- Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918: учебное пособие. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 496 с.
- Дипломатия новых сфер: учебное пособие для вузов / под ред. О. В. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2024. 240 с.
- Завьялова О. О. Салоны и кружки в России в середине XIX в. как форма взаимодействия власти и общественности // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10, № 6—1. С. 19—28.
- Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М.: Высшая школа, 1963. 288 с.
- Тимощук В. В. Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // *Русская старина*. 1903. Т. 113, № 1. С. 193—200.
- Тимощук В. В. Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // *Русская старина*. 1903. Т. 114, № 6. С. 417—442.
- Тимощук В. В. Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // *Русская старина*. 1903. Т. 115, № 9. С. 691—705.
- Тимощук В. В. Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // *Русская старина*. 1903. Т. 116, № 12. С. 419—436.
- Колосова И. В. Особенности системной истории международных отношений и мировой политики // *Проблемы постсоветского пространства*. 2024. Т. 11, № 2. С. 168—180.
- Кудрявцева Е. П. Венская система международных отношений и ее крушение (1815—1854 годы) // *Вестник МГИМО-университета*. 2014. № 4. С. 88—106.
- Кудрявцева Е. П. Два канцлера: Меттерних и Нессельроде // *Вестник МГИМО-университета*. 2019. № 1 (64). С. 45—58.
- Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // *Вестник МГИМО-университета*. 2017. № 3 (54). С. 212—223.
- Лошкарев И. Д. Международно-политическая мысль: от истоков к современности: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект пресс, 2021. 288 с.
- Мицюк Н. А., Шульга М. М. Руфь Брайан Оуэн: политическая карьера первой женщины-дипломата в США // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 4. С. 161—175.
- Носко К. Г. Роль салона мадам Дубле в формировании общественного мнения Франции в XVIII веке // *Журнал исторических, политологических и международных исследований*. 2023. № 1 (84). С. 54—58.
- Паришин П. Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // *Вестник МГИМО-университета*. 2014. № 2 (35). С. 14—21.
- Пивоварова Ю. И. Роль женщины в литературном салоне (на материале русской культуры начала XIX века) // *Ярославский педагогический вестник*. 2015. Т. 1, № 2. С. 127—130.
- Романова Е. В. Трактовки «европейского концерта» в британской и американской историографии // *Вестник МГИМО-университета*. 2016. № 1 (46). С. 7—17.
- Смольянинова Т. Е. Женщина и русский светский салон // *Российские женщины и европейская культура: тез. докл. II науч. конф.* СПб.: Б. и. 1994. С. 46—48.
- Таньшина Н. П. Герцогиня Доротея Дино — alter ego князя Талейрана // *Новая и новейшая история*. 2015. № 6. С. 177—196.
- Таньшина Н. П. Дарья Христофоровна Ливен // *Вопросы истории*. 2007. № 11. С. 35—51.

- Таньшина Н. П. Доротея, сестра Бенкендорфа она же Дарья Ливен, княгиня от дипломатии // Родина. 2007. № 10. С. 51—57.
- Таньшина Н. П. Княгиня Д. Х. Ливен и император Николай I // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 130—149.
- Таньшина Н. П. Княгиня Ливен. Нетитулованная королева европейской дипломатии. СПб.: Евразия, 2021. 384 с.
- Таньшина Н. П. Мария Дмитриевна Нессельроде: жена канцлера Российской империи // Новая и новейшая история. 2022. № 2. С. 180—189.
- Таньшина Н. П. При дворе трех императоров: княгиня Д.Х. Ливен // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 102—118.
- Тарле Е. В. Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814—1919: 2-е изд. Л.: Прибой, 1927. 200 с.
- Тодуа Н. Мирная политика, дипломатия и женщины // Власть и общество (история, теория, практика). 2022. № 4 (64). С. 128—138.
- Шаховская-Глебова-Стрешнева Е. Ф. Княгиня Ливен. М.: Унив. тип., 1904. 16 с.
- Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с.
- Temperley H. The unpublished diary and political sketches of princess Lieven together with some of her letters. London: Cape, 1925. 283 p.

References

- Aivazova, S. G. (1991) Ideiny'e istoki zhenskogo dvizheniia v Rossii [The ideological origins of the women's movement in Russia], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 125—133.
- Airapetov, O. R. (2006) Vneshniaia politika Rossiiskoi imperii (1801—1914) [The foreign policy of the Russian Empire (1801—1914)], Moscow: Izdatel'stvo «Evropa», 521 p. (Imperii).
- Aronson, M. I., Reiser, S. A. (2001) Literaturnye kruzhki i salony [Literary circles and salons], Moscow: Agraf, 398 p. (Literaturnaia masterskaia).
- Bezotosny, V. M. (2012) Rossiia i Evropa v epokhu 1812 goda. Strategii ili geopolitika [Russia and Europe in the era of 1812. Strategy or geopolitics], Moscow: Veche, 272 p.
- Bystrova, V. S. (2022) Zhenskaia diplomatiia vo Francii XVI v.: primer Luizy Savoiskoi [Women's diplomacy in France in the XVI century: the example of Louise of Savoy], *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filosofii*, vol. 28, no. 1, pp. 24—34.
- Degoev, V. V. (2002) Aleksandr I i problema evropeiskogo soglasiia posle Venskogo kongressa [Alexander I and the problem of European accord after the Vienna Congress], *Voprosy istorii*, no. 2, pp. 119—132.
- Degoev, V. V. (2004) Vneshniaia politika Rossii i mezhdunarodnye sistemy: 1700—1918: Uchebnoe posobie [Russian Foreign Policy and international systems: 1700—1918: Textbook.], Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (Universitet); «Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia» (ROSSPEN), 496 p.
- Gapich, S. V. (2000) Ėmansipaciia v Rossii na primere literaturnykh salonov pervoi chetverti XIX veka [Emancipation in Russia on the example of literary salons of the first quarter of the XIX century], *Gendernaia istoriia. Pro et contra: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh materialov i programm*, Saint Petersburg: Nestor, pp. 117—120.
- Grigoriev, B. N. (2010) Povsednevnaia zhizn' tsarskikh diplomatov v XIX veke [The daily life of tsarist diplomats in the XIX century], Moscow: Molodaia gvardia, 521 p. (Zhivaia istoriia: Povsednevnaia zhizn' chelovechestva).
- Kinyapina, N. S. (1963) Vneshniaia politika Rossii pervoi poloviny XIX veka [The foreign policy of Russia in the first half of the XIX century], Moscow: Vysshaia shkola, 288 p.
- Kolosova, I. V. (2024) Osobennosti sistemnoi istorii mezhdunarodnykh otnoshenii i mirovoi politiki [Features of the systemic history of international relations and world politics], *Problemy postsovetского prostranstva*, vol. 11, no. 2, pp. 168—180.

- Kudryavtseva, E. P. (2014) Venskaia sistema mezhdunarodnykh otnoshenii i ee krushenie (1815—1854 gody) [The Vienna system of international relations and its collapse (1815—1854)], *Vestnik MGIMO-universiteta*, no. 4, pp. 88—106.
- Kudryavtseva, E. P. (2019) Dva kantslera: Metternix i Nessel'rode [Two chancellors: Metternich and Nesselrode], *Vestnik MGIMO-universiteta*, no. 1 (64), pp. 45—58.
- Lebedeva, M. M. (2017) «Miagkaia sila»: poniatie i podkhody [«Softpower»: the concept and approaches], *Vestnik MGIMO-universiteta*, no. 3 (54), pp. 212—223.
- Lebedeva, O. V. (Ed.) (2024) *Diplomatiia novykh sfer: Uchebnoe posobie dlia vuzov* [Diplomacy of new spheres: a textbook for high schools], Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 240 p.
- Loshkarev, I. D. (2021) *Mezhdunarodno-politicheskaia mysl': Ot istokov k sovremennosti: Ucheb. posobie dlia studentov vuzov* [International political thought: From the origins to the present: Textbook for university students], Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt press», 288 p.
- Mitsyuk, N. A., Shulga, M. M. (2022) Ruf' Brañan Ouèn: politicheskaia kar'era pervoi zhenshhiny-diplomata v SSHA [Ruth Brian Owen: the political career of the first female diplomat in the United States], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 161—175.
- Nosko, K. G. (2023) Rol' salona madam Duble v formirovanii obshchestvennogo mneniia Frantsii v XVIII veke [The role of Madame Doublet's salon in shaping public opinion in France in the XVIII century], *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniĭ*, no. 1 (84), pp. 54—58.
- Parshin, P. B. (2014) Dva ponimaniia «myagkoi sily: predposylki, korreliaty i sledstviia [Two understandings of «softpower»: prerequisites, correlates and consequences], *Vestnik MGIMO-universiteta*, no. 2 (35), pp. 14—21.
- Pivovarova, Yu. I. (2015) Rol' zhenshchiny v literaturnom salone (na materiale rusскоi kul'tury nachala XIX veka) [The role of a woman in a literary salon (based on the material of Russian culture at the beginning of the XIX century)], *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, vol. 1, no. 2, pp. 127—130.
- Romanova, E. V. (2016) Traktovki «evropeiskogo kontserta» v britanskoĭ i amerikanskoĭ istoriografii [Interpretations of the "European concert" in British and American historiography], *Vestnik MGIMO-universiteta*, no. 1 (46), pp. 7—17.
- Shcherbinin, P. P. (2004) *Voennyĭ faktor v povsednevnoi zhizni rusскоi zhenshchiny v XVIII — nachale XX v.* [War Factor in Russian Woman Everyday Life, the 18th — early 20th cn.], Tambov: Yulla, 508 p.
- Shakhovskaya-Glebova-Streshneva, E. F. (1904) *Kniaginia Liven* [Princess Lieven], Moscow: Univ. tip., 16 p.
- Smolyaninova, T. E. (1994) Zhenshchina i rusскиi svetskii salon [Woman and the Russian secular salon], *Rossiiskie zhenshhiny i evropeiskaia kul'tura: Tez. dokl. II nauch. konf.*, Saint Petersburg: B. i., pp. 46—48.
- Tanyshina, N. P. (2007) Darya Khristoforovna Liven [Daria Khristoforovna Lieven], *Voprosy istorii*, no. 11, pp. 35—51.
- Tanyshina, N. P. (2007) Doroteia, sestra Benkendorfa ona zhe Dar'ia Liven, kniaginia ot diplomatii [Dorothea, Benkendorf's sister, or Daria Lieven, Princess of diplomacy], *Rodina*, no. 10, pp. 51—57.
- Tanyshina, N. P. (2009) Kniaginia D. Kh. Liven i imperator Nikolai I [Princess D. K. Lieven and Emperor Nicholas I], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 4, pp. 130—149.
- Tanyshina, N. P. (2015) Gerczoginia Doroteia Dino — alter ego kniazia Taleirana [Duchess Dorothea Dino — alter ego of Prince Talleyrand], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 6, pp. 177—196.
- Tanyshina, N. P. (2018) Pri dvore trekh imperatorov: kniaginia D. Kh. Liven [At the court of three emperors: Princess D. Kh. Lieven], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 3, pp. 102—118.
- Tanyshina, N. P. (2021) *Kniaginia Liven. Netitulovannaia koroleva evropeiskoi diplomatii* [Princess Lieven. The untitled queen of European diplomacy], Saint Petersburg: Evraziia, 384 p.
- Tanyshina, N. P. (2022) Mariia Dmitrievna Nessel'rode: zhena kantslera Rossiiskoi imperii [Maria Dmitrievna Nesselrode: the wife of the Chancellor of the Russian Empire], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 2, pp. 180—189.

- Tarle, E. V. (1927) Evropa ot Venskogo kongressa do Versal'skogo mira. 1814—1919. Izd. 2 [Europe from the Congress of Vienna to the Palace of Versailles. 1814—1919. Ed. 2], Leningrad: Priboi, 200 p.
- Temperley, H. (1925) The unpublished diary and political sketches of princess Lieven together with some of her letters, London: Cape, 283 p.
- Timoshchuk, V. V. (1903) Kniaginia D. Kh. Liven i ee perepiska s raznymi litsami [Princess D. K. Lieven and her correspondence with various persons], *Russkaia starina*, vol. 113, no. 1, pp. 193—200.
- Timoshchuk, V. V. (1903) Kniaginia D. Kh. Liven i ee perepiska s raznymi litsami [Princess D. K. Lieven and her correspondence with various persons], *Russkaia starina*, vol. 114, no. 6, pp. 417—442.
- Timoshchuk, V. V. (1903) Kniaginia D. Kh. Liven i ee perepiska s razny`mi litsami [Princess D.K. Lieven and her correspondence with various persons], *Russkaia starina*, vol. 115, no. 9, pp. 691—705.
- Timoshchuk V. V. (1903) Kniaginia D. Kh. Liven i ee perepiska s raznymi litsami [Princess D. K. Lieven and her correspondence with various persons], *Russkaia starina*, vol. 116, no. 12, pp. 419—436.
- Todua, N. (2022) Mirnaia politika, diplomatiia i zhenshchiny [Peaceful politics, diplomacy and women], *Vlast' i obshchestvo (istoriia, teoriia, praktika)*, no. 4 (64), pp. 128—138.
- Vasilenko, S. A. (2019) Vneshniaia politika Aleksandra I i Nikolaia I: preemstvennost' i razlichii (1814—1855) [The foreign policy of Alexander I and Nicholas I: continuity and differences (1814—1855)], *Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura*, no. 11 (67), pp. 81—85.
- Vienna Convention on Diplomatic Relations: adopted on April 18, 1961* [Venskaya konventsiiia o diplomatiicheskikh snosheniyakh: priniata 18 apreliia 1961 g.], *UN*, available from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (accessed 05.11.2025).
- Voronina, O. A. (2022) Rol' zhenshchin v russkoĭ kul'ture: pozitsii myslitelei XIX v. [The role of women in Russian culture: the positions of thinkers of the XIX century], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 102—118.
- Zavyalova, O. O. (2018) Salony i kruzhki v Rossii v seredine XIX v. kak forma vzaimodeĭstviia vlasti i obshchestvennosti [Salons and clubs in Russia in the middle of the XIX century as a form of interaction between the government and the public], *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, vol. 10, no. 6—1, pp. 19—28.

Статья поступила в редакцию 09.07.2026; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 10.08.2026.

The article was submitted 09.07.2026; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 10.08.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Стамова Ирина Ивановна — старший преподаватель кафедры английского языка № 6, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), г. Москва, Россия, stamirina@mail.ru (Senior Lecturer at the English Language Department № 6, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russian Federation).

Эйриян Варган Арсенович — преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), г. Москва, Россия, vargan_admg@mail.ru (Lecturer at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russian Federation).